

ГОРОДСКОЙ СТРОЙ В РИМСКОЙ ГАЛЛИИ В ПЕРВЫЕ ВЕКА Н. Э.

Вопрос о городском строе в римских провинциях представляет собой большой научный интерес, так как города в первые века Римской империи были не только средоточием социально-экономической и политической жизни, центрами развития и распространения античной культуры, но и опорными пунктами романизации. Не случайно поэтому римское время в провинциях, особенно западных, было отмечено бурным развитием городов и муниципального строя. Последний, в свою очередь, имел исключительное значение в том, что Рим сумел установить в обширных рамках империи политическое и в известном смысле социальное единство. Именно последнее обстоятельство в значительной степени объясняет тот факт, что Римская империя представляла собою самое мощное государственное объединение, какое когда-либо знало человечество до тех пор, и по длительности своего существования и по внутренней прочности. Одной из наиболее романизованных западных провинций была Галлия, которая была завоевана и оказалась под римским владычеством в такой момент, когда у кельтских племен еще не успели сложиться сколько-нибудь прочные культурные и политические традиции.

Степень романизации, одним из главных выражений которой и было насаждение Римом муниципального строя, отражает в известном смысле неравномерность развития не только отдельных провинций, но и различных областей внутри их.

Вопрос о городском строе тесно переплетается с проблемой взаимоотношения города и деревни. При общем бесспорном положении о том, что в античности город господствовал над деревней, фактическое положение вещей допускает и в эту эпоху большое разнообразие проявления этого взаимоотношения, что обусловлено историческими особенностями развития отдельных провинций, в частности, степенью романизации и сохранением пережитков общинно-родового строя. Большой интерес с этой точки зрения представляет изучение отдельных областей римской Галлии, а также взаимоотношения главного городского центра, «цивитас», с ее сельскими округами, пагами.

Наконец, вопрос о городском строе при ближайшем рассмотрении тесно связан с аграрными отношениями, с формами земельной собственности, в частности. Археологические и специально исторические исследования последнего времени приводят к выводу о том, что муниципализация городского строя была не столь уж сплошной даже в самых романизованных провинциях, как это принято было считать до этого. Во многих областях сохранились долгое время некоторые черты прежней социально-полити-

ческой организации, как, например, сельские общины и общинное землепользование, территории, не приписанные к городам и т. п. В известной степени все эти явления были характерны и для римской Галлии. Эти пережитки имели безусловное влияние на процесс развития античной формы собственности и ее модификации. В частности, изучение их позволяет понять, почему в разных провинциях или отдельных областях внутри одной и той же провинции преобладали различные формы землевладения, зарождались элементы новой формы эксплуатации, как происходил самый процесс разложения античной собственности. Известно, например, что в Италии в пору ее экономического расцвета господствовавшей формой земельных отношений была рабовладельческая вилла, в придунайских и рейнских провинциях продолжало сохраняться на протяжении всего периода Римской империи свободное крестьянское хозяйство. В Африке распространенным явлением были экзимированные, т. е. изъятые их городских земель и городского подчинения земли. Соответственно различались и формы эксплуатации. Если развитие виллы покоилось на рабском труде, то в экзимированных доменах применялся в значительной степени труд колонов, в областях слабо романизированных до конца преобладал труд свободных крестьян.

Таким образом, вопрос о городском строе находится в тесном переплетении с целым рядом проблем социально-экономического порядка, решение которых связано с выявлением закономерностей развития и разложения рабовладельческой формации. Между тем этот вопрос до сих пор остается в нашей литературе недостаточно освещенным. Вопрос о городском строе в той или иной степени рассматривается многими буржуазными историками, как в общих, так и в специальных трудах¹. Однако не все интересующие нас вопросы решены этими учеными и нуждаются в дальнейшем исследовании. Не вполне удовлетворяют нас и выводы по некоторым как общим, так и частным вопросам. Наконец, мы не можем согласиться в некоторых случаях с самим методом исследования этих ученых.

Задачей данной статьи не является решение всех поставленных выше вопросов. Это далеко выходило бы за рамки одной журнальной статьи. Она ограничивается освещением вопроса о степени муниципализации городского строя в Галлии и выявлением особенностей городского строя в этой провинции. Вопросы, связанные с аграрными отношениями и формами эксплуатации в галльских цивитатес, будут являться предметом дальнейшего исследования.

Остановимся прежде всего на основной ячейке административного деления Римской Галлии — цивитас. Как правило, буржуазными исследователями подчеркивается, что кельтская цивитас.

¹ A. Grenier, *Manuel d'Archéologie gallo-romaine*, т. т. V—VI, Paris, Picard, 1931—1934. C. Jullian, *Histoire de la Gaule*. т. IV, Paris, 1914. E. Thevenot, *Les gallo-romains*, Paris, 1948. P. Gaxotte, *Histoire des Français*, т. I, Paris, Flammarion, 1951 и др.

как административно-политическая организация, сохранилась и в римское время в полной неприкосновенности. К. Жульен, например, утверждает, что и в римское время галльские общины продолжали оставаться теми же сущностями, какими они были в эпоху независимости (IV, 362). По мнению А. Гренье, Рим внес здесь изменения только в том смысле, что способствовал высвобождению некоторых галльских племен от клиентской независимости и за счет этого увеличилось несколько число *цивитатес* (V, стр. 148). Того же мнения и Гаксот, который говорит, что римляне все оставили на прежних местах: обычаи, привычки, традиции. Единственное, что римляне сделали, по мнению этого автора, это то, что они поставили у власти в Галлии видных Риму людей, организовали административное управление (стр. 68—69). Но такие утверждения, по меньшей мере, страдают неточностью. Они справедливы только в той части, в какой относятся к территориальным рамкам *цивитас* и ее подразделениям, пагам. Но понятие *цивитас*, как социально-политической организации, не может сводиться только к территории. Оно связано с формой управления, гражданством, характером социальных отношений и т. п. И здесь между кельтской *цивитас* и галло-римской необходимо отметить существенную разницу, обусловленную совокупностью исторических условий, при которых происходил переход кельтской *цивитас* из одного состояния в другое. В первом случае, это, как правило, родоплеменная еще организация, с только что наметившимся государственным аппаратом, господством родовой аристократии и острой внутренней борьбой между нею и рядовыми общинниками, оказавшимися к моменту римского завоевания в большинстве своем в клиентской зависимости от аристократии. Галло-римская *цивитас* — это вполне сложившийся социально-политический организм, с четко оформленным государственным аппаратом, социальными отношениями и т. п. Таким образом, точнее будет сказать, что в основе галло-римской *цивитас* лежали прежние кельтские родоплеменные объединения. Объективные условия развития последних в *цивитас* были ускорены завоеванием и политической Рима: кадастровая перепись, которая способствовала закреплению частной собственности и утверждению территориальных границ за отдельными племенами, распространение прав римского гражданства², насаждение муниципального строя — все это

² Факты предоставления прав римского или латинского гражданства целым общинам или отдельным городам Галлии были довольно частыми, особенно в эпоху гражданской войны 68—69 гг., когда Гальба, Отон и Вителлий использовали широко эту практику для того, чтобы заручиться поддержкой галльских провинций в борьбе со своими политическими противниками (Тас. Н. 1, 51, 78; 1, 8, 53—54; Strabo, IV, 2, 2; IV 1, 12, 16; Plin. N. H. III, 37). Еще до этого, по свидетельству Плиния, другие общины, в том числе цетроны, октодуры получили право латинского гражданства от Клавдия (N. H., III, 135). Свидетельства Плиния подтверждаются Тацитом (Н. 1. 68, 69, IV, 18, 33) и Дионом Кассием (LX, 17, 7).

вело к качественным изменениям прежней кельтской общины, превращению ее из родоплеменной в государственную, рабовладельческую по содержанию, организацию.

Важным изменением в прежнем устройстве цивитас в римское время было изменение характера и роли городского центра. И это было связано с римской политикой консолидации местной аристократии, в которой Рим видел естественную опору своей власти в провинциях. В первые века нашей эры наблюдался бурный рост городов в Галлии. Особенно активно политика урбанизации проявилась в период правления Цезаря и Августа. Французский историк А. Гренье, например, называет этот период великой эпохой основания городов, самым значительным и самым блестящим ренессансом в истории Франции (VI, 2, стр. 689—690).

Урбанизация осуществлялась и за счет выведения колоний, особенно в Нарбонской Галлии³, и за счет строительства новых городов на средства, субсидируемые отдельными римскими императорами, в том числе и Августом⁴. Но основная часть галло-римских городов выросла все же из прежних племенных центров. Так возникли, например, у аллоброгов города: Женева, Экс, Август, Альбен, Гренобль⁵. Но они теперь значительно отличались от старых oppida. Кельтский oppidum был прежде всего хорошо защищенной крепостью или религиозным центром. Экономическая жизнь сосредоточивалась, за исключением нескольких городов, как например, Бибрак у эдуев, Герговия у арвернов, Аварик у битурогов или Лютеция у паризиев, главным образом во владениях кельтской аристократии. Теперь город, сохраняя свое прежнее значение военного укрепления и религиозного центра, становился одновременно административно-политическим и экономическим центром цивитас, опорным пунктом римского влияния на подвластную ему территорию⁶.

Одной из характерных особенностей галльской цивитас и в

³ О колонизации в Галлии см. Ю. Кулаковский, Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи, Киев, с. 27—34 и др;

Г. Блок, Независимая Галлия и римская Галлия, «Общая история европейской культуры», т. 7, С—П, 1913, стр. 115, прим. 1;

А. Гренье, указ. соч., т. V, 1, стр. 93—94; F. Lot, *La Gaule, Paris, Fayard*, 1947, стр. 200; D. Van Berchem, *Aspects de la domination romaine en Suisse*, „Schweizerische Zeitschrift für Geschichte“, Zürich—Lausanne, 1955, т. V, № 2. S, стр. 150—157; J. Kromayer, *Die Militärcolonien Octavians und Caesars in Gallia Narbonensis*, „Hermes“, XXXI, Berlin, 1896, стр. 18.

⁴ А. Гренье, указ. соч., т. V, 1, стр. 94—95; Д. Ван Берхем, указ. соч., стр. 155—157.

⁵ Г. Блок, указ. соч., стр. 110; К. Жульен, указ. соч., IV, стр. 33, 76—78, V, стр. 42.

⁶ К. Жульен, указ. соч., IV, стр. 317—318. А. Гренье, указ. соч., VI, 2, стр. 669—670.

римскую эпоху оставались обширные размеры ее территорий⁷. Это было следствием того, что галло-римская цивитас выросла из кельтской племенной организации и что в римское время она продолжала сохранять ее следы. Существенным проявлением этих пережитков было деление галло-римской цивитас на крупные округа — *pagi*, представлявшие собой этнически целостные и географически обособленные части цивитас. Но отсюда и та особенность галло-римской цивитас, что наряду с главным на ее территории имелись и другие, значительные по размерам и важные по значению города, являвшиеся центрами отдельных пагов. Таковыми у эдуев, например, были Неверы, Масон, Бурбон, Шалон и другие⁸. Взаимоотношения между главным и остальными городами на территории той же цивитас складывались различно. В некоторых случаях устанавливалось явное преобладание главного городского центра, а другие оставались на второстепенных позициях. Но в отдельных случаях между городами возникала борьба за преобладание⁹. Римское правительство, верное своей политике консолидации местной аристократии, стремилось утвердить позиции главного города как основного центра романизации и римского влияния на всю ее территорию¹⁰.

Но в отдельных случаях дело заканчивалось дроблением общины. Известно, например, что количество цивитатес в течение I—II веков несколько увеличилось. Обычно историки объясняют этот факт, как следствие высвобождения некоторых племен из-под клиентской зависимости от других, некогда более сильных¹¹. Добавим к этому, что такие изменения, очевидно, являлись также и следствием вышеописанных сопернических взаимоотношений нескольких городов в пределах одной и той же цивитас и происходили за счет раскола последней на две или большее количество самостоятельных административно-политических единиц, каждая из которых получала своим центром соперничавший со столицей город. Так именно случилось с цивитас воконтиев, которая в конце концов раскололась на две части с центрами Вазии и соперничавшим с ним Лук.

⁷ Некоторые из них равнялись по величине Лациуму или Умбрии и даже территории всей Балканской Греции. К. Жульен, указ. соч., IV, стр. 320—322; 359.

⁸ К. Жульен, там же, стр. 322—326.

⁹ Так, Лук и Дие оспаривали положение столицы Вазии у воконтиев. Кенаб и Орлеан имели едва ли не большее значение у карнутов, чем их столица Аутрикум. Гренобль и Женева играли такую же роль у аллоброгов наряду с главным их центром Виенной (там же стр. 355—356).

¹⁰ Так, например, было с Виенной у аллоброгов, которой должны были подчиниться все остальные города этой цивитас (там же).

¹¹ А. Гренье, например, отмечает факты отделения в Аквитании в период правления Августа веллаков и габалов от арвернов, трикассов и катуэлавиев от лингонов, паризиев от сенонов (указ. соч., V, 1, стр. 143).

Утверждению главенствующей роли города в качестве политического центра *цивитас* и одновременно разложению прежней племенной организации и расколу ее на составные части в лице пагов особенно способствовало основание римских колоний. Разложение и раскол общины происходили быстрее там, где, по замечанию К. Жульена, наблюдался более пестрый племенной состав и где поэтому были особенно сильны центробежные силы. Так, например, на территории каваров основание пяти колоний привело к образованию пяти самостоятельных муниципальных организмов. По тем же причинам территория лангедокских вольгов была расколота на семь таких же муниципальных единиц (IV, 320). И наоборот, основание колонии на территории относительно однородной по своему этническому составу общины алэброгов не привело к ее расколу. Колония Виенна стала центром всей *цивитас*¹².

Но как бы ни происходил процесс утверждения главенствующей роли городского центра, через его изначальное преобладание, вмешательство Рима или раскол *цивитас*, главный город становился опорным пунктом романизации и римского влияния на всю общину. К этому сводилась суть римской политики урбанизации, выведения колоний и муниципализации городского строя. Эта политика не была чем-то особенным для Галлии. Таковой же она была и по отношению к другим римским провинциям. И если мы здесь на ней останавливаемся, то только с целью подчеркнуть своеобразные условия ее претворения на галльской почве, обусловленные некоторыми особенностями самой структуры местных *цивитатес*.

Таким образом, галло-римская *цивитас* даже по внешней своей структуре значительно отличалась от кельтской: за ней прочно утверждаются территориальные границы, контингент населения, на ее территории появляется ряд городов, отличных по своему значению от прежних *оппида* и, главное, город в римскую эпоху становится в Галлии сосредоточием экономической, политической и культурной жизни, центром римского влияния на местное общество. Галло-римское общество приобретает, благодаря римскому влиянию, определенную структуру, как внешнюю административно-политическую, так и внутреннюю, социальную, через утверждение римского муниципального строя, о котором речь будет ниже.

Исследуя вопрос о городском строе в Галлии, нельзя не учитывать также юридического статута галльских *цивитатес*. Последний был определен волей победителя и обусловлен поведением отдельных кельтских племен во время войны с Цезарем. Таким образом, с первых дней завоевания и затем на протяжении довольно длительного срока, галльские *цивитатес* не были однородны по своему юридическому рангу. Античные авторы — Плиний, Страбон, Тацит, а также надписи, называют *civitates liberae*,

¹² К. Жульен, указ. соч., IV, 321.

foederatae, stipendiariae. Цивитатес liberae считались автономными и были свободны на первых порах от податей и прямых налогов, хотя и несли с самого начала некоторые повинности¹³. Федеративные общины признавались формально равными римскому народу и от них требовалось как бы только уважение к римскому величию¹⁴. Основную часть составляли цивитатес дедитиции, или стипендиарии¹⁵. На деле, фактическое положение свободных или союзных общин не всегда соответствовало их юридическому статусу. В Реймсе, например, главном городе одной из союзных общин, резидировал наместник Бельгии, союзные общины-лингоны и эдуи — поставляли рекрутов, содержали римские гарнизоны и платили некоторые налоги¹⁶.

Последнее обстоятельство, между прочим, и послужило ближайшей причиной восстания этих племен при Тиберии в 21 г.¹⁷ Наконец, свидетельством полного пренебрежения их юридическим статусом является факт перемещения столиц в некоторых из таких общин по воле римского правительства. Например, известно распоряжение Августа о том, чтобы жители Бибракты, главного города эдуев, оставили свой город и основали новый. Так появился Августодунум (Автун). То же должны были сделать (примерно в это же время) жители Герговии, главного города арвернов, и основать новый город Августонеметум (Клермон)¹⁸. Так же была основана, по предположению А. Гренье, между 16 и 13 гг. до н. э., Августа Треверов (там же). В дальнейшем эта разница между фактическим положением цивитатес различных рангов все больше стиралась, хотя формально титул свободных общин за некоторыми из них продолжал сохраняться вплоть до III в. Но как бы ни была формальна и незначительна разница в

¹³ Так свободными цивитатес назывались в Аквитании — веллаки, арверны, сантоны, битуриги, вивиски, кубы; в Лугдунской провинции — мельды, туроны, видукасы, сегузиавы; в Бельгии — нерви, свессионы. сильванесты, левки, треверы, атребаты; Марсель, воконтии, вольки — в Нарбонской Галлии. См. Г. Блок, указ. соч., стр. 117; К. Жульен, IV, стр. 249; P. Willeumier, *L'administration de la Lyonnaise sous le Haut-Empire*, Paris, 1948, стр. 10; Plin, *N H*, IV, 107.

¹⁴ Это воконтии в Нарбонской Галлии, эдуи, ремы, карнаты и лингоны — в трех Галлиях. См. Плин, указ. соч., IV, 107; P. Willeumier указ. соч., стр. 10; P. M. Duval те же племена называет *liberae*. (См. *La vie quotidienne en Gaule pendant la paix romaine*, Paris, Hachet, 1953, стр. 36).

¹⁵ Плиний. Ест. Ист. XII, 6; Светоний, Август, 40; К. Жульен, указ. соч., IV, 249; М. Дюваль, указ. соч., стр. 36; Г. Блок, указ. соч. стр. 116.

¹⁶ К. Жульен, указ. соч., IV, 249—250.

¹⁷ Тацит, Истории, I, 59, 64.

¹⁸ К. Жульен, указ. соч., IV, стр. 252, А. Гренье, указ. соч., V, стр. 95, Ф. Лот, указ. соч., стр. 203, Н. А. Машкин, Принципат Августа, М—Л, 1949, стр. 482.

фактическом положении перечисленных категорий галльских цивитатес и как бы мало ни считалось с их юридическим положением римское правительство, уже самый факт наличия этих категорий свидетельствует об известном препятствии романизации в Галлии и предполагает сопротивление внедрению муниципального строя в данных общинах со стороны местных обычаев и традиций.

Таким образом, мы подходим к вопросу о степени муниципализации городского строя в Галлии. По этому вопросу в историографии имеются различные взгляды. Одни считают, что романизация Галлии представляла собой очень медленный процесс и муниципальное устройство в Трех Галлиях получило лишь слабое распространение, и что римский политический словарь вошел в Галлию раньше, чем сами римские учреждения¹⁹. Другие, наоборот, склонны слишком преувеличивать романизацию Галлии и с точки зрения ее темпов, и с точки зрения широты распространения²⁰. По утверждению Камилла Жульена, уже в середине или в конце I в. н. э. все общины Трех Галлий получили латинское право, а с ним и муниципальное устройство²¹. Явно преувеличивает степень и темпы романизации Тевено. По его утверждению, консолидация аристократии, быстро совершившаяся благодаря римской политике административной централизации, повлекла за собой то, что мелкий люд городов и деревень следовал за ней. Так произошла сама собой без какого-либо насилия романизация²².

Что касается местного управления цивитас, то ему вовсе не надо было, по утверждению того же автора, значительно изменяться, чтобы уподобиться римскому строю, так как оно было очень сходно с римским. В результате этого обстоятельства оригинальные черты галльских учреждений быстро стерлись и последние приблизились постепенно к учреждениям Рима²³.

Объяснение успехов романизации, в частности муниципализации городского строя значительным сходством основных учреждений, а объяснение этого сходства, в свою очередь, тем, что кельты и латинские племена принадлежали к одной и той же индоевропейской расе и, следовательно, с самого начала имели очень много

¹⁹ Г. Блок, указ. соч., стр. 108—110.

H. Dessau, Geschichte der römischen Kaiserzeit, II, 2, Berlin, 1924—30. Против преувеличения романизации Галлии выступают также Д. Д. Ван Берхем, указ. соч., *A. Albenque, Les Rutènes, Paris, 1948.*

²⁰ К. Жульен, указ. соч., IV; П. Гаксот, указ. соч., стр. 74, А. Гренье, указ. соч., V, 1, стр. 93. Время с момента завоевания Галлии Цезарем до смерти Нерона (50 г. до н. э. — 68 г. н. э.) автор считает периодом ассимиляции и быстрого прогресса. В. А. Гольденберг, *Очерки по истории Римской империи в 1 в. н. э.*, 1958 г., стр. 52. Имеется в виду Галлия Великая. Что касается Галлии Нарбонской, то факт активной ее романизации у исследователей не вызывает сомнений.

²¹ К. Жульен, указ. соч., IV, стр. 173—174.

²² Е. Тевено, указ. соч., стр. 13—14.

²³ Е. Тевено, указ. соч., стр. 20—21.

общего по духу, является довольно распространенным в буржуазной историографии. Отсюда и эволюция тех и других изображается этими авторами, как очень сходная. К. Жулльен, например, сравнивает кельтскую эпоху с царской в истории Рима, говорит об одних и тех же учреждениях, отличавшихся будто бы только названиями²⁴. Такое объяснение политического развития методологически неверно, поскольку не расовые признаки, а исторические условия могут объяснить нам сходство или различие в развитии тех и других. Если исходный момент развития у кельтов действительно имел много общего с первоначальной историей латинских племен, так как и те и другие пережили переходный период от первобытно-общинного строя к рабовладельческому, от родо-племенной организации к государственной, то исторические условия I—II вв. н. э. для развития кельтских племен были весьма отличны от тех, в которых происходило развитие классового общества и государства в Лациуме в раннереспубликанский период. Для латинян это был период прогрессивного развития рабовладельческого строя. Кельты осуществляли переход свой к рабовладельческому строю в период начавшегося разложения его во многих частях Римской империи, и главным образом в Италии и восточных провинциях. Эти различия исторических условий буржуазными историками не учитываются. Отсюда не случайно, что авторы эти не видят разницы и между главнейшими социально-экономическими и политическими институтами кельтского, с одной стороны, и галло-римского общества, с другой.

Для Фюстель де Куланжа, например, галлоримские учреждения остаются почти неизменными на всем протяжении не только римского, но и средневекового и даже современного ему периода. Он говорит о различных государственных формах и детально разработанных государственных учреждениях уже в кельтской Галлии²⁵. К. Жулльен утверждает, что римское право с самого начала не находилось в противоречии с туземными обычаями, так как семья, домен, городская община были организованы и в Галлии независимой в основном по тем же принципам, что и в патрицианском Риме (указ. соч., IV, 280, 369, 375). Он не видит и качественной разницы между римским и доримским рабовладением в Галлии и т. п. (IV, 264, 371—372). Между тем, на сегодняшний день все более подтверждается положение, что рабство даже уже в римской Галлии не получило своего классического развития. Об этом свидетельствуют, например, такие факты, как относительно слабое применение рабского труда в производстве²⁶, более за-

²⁴ На стр. 239 указ. соч. т. IV, К. Жулльен прямо говорит, что «полтысячи лет спустя, история Рима повторилась в Галлии». Сравни Е. Тевено, указ. соч., стр. 20—21; М. Дюваль, указ. соч. стр. 24—26.

²⁵ История общественного строя древней Франции, т. 1, С116 1901, перевод под ред. И. М. Гревса, стр. 17—28.

²⁶ Дессау, указ. соч., стр. 510—512; A. Grenier, *La Gaule romaine. An economic survey of ancient Rome, III*, Baltimore, 1937, стр. 562.

метное уважение к труду среди трудовых элементов и др.²⁷ Клиентела, как особая форма зависимости сохранялась на протяжении, по крайней мере, изучаемого времени. Рабовладение в римской Галлии носило в значительной степени наносные, чисто римские черты²⁸. В какой-то степени то же самое, нам кажется, можно сказать и в отношении муниципального строя.

Мы имеем в виду здесь два момента. Во-первых, муниципализация далеко не была, как мы увидим дальше, сплошной. Во-вторых, сам муниципальный строй в некоторых случаях выглядел довольно искусственным насаждением внутри местных цивитатес. Довольно искусственно, например, выглядели конвенты римских граждан, организованные по типу римских колоний и управлявшиеся собственными магистратами. Их находим у гельветов (XIII, 5026), петрокоров (XIII, 970: *curator civium Romanorum*), нервиев (XIII, 3573: *quaestor civium Romanorum civitatis Nerviorum*) и др. Они, разумеется, оказывали влияние на местные порядки, способствовали их романизации, но полностью вытеснить их не могли. В результате в Галлии, как и в Африке, имели место в период Ранней империи цивитатес с двойным устройством²⁹.

Новейшие исследования некоторых ученых — Альбенка, Штелина, Берхема, Лота — убедительно доказывают, что муниципализация городского строя в отдельных областях Галлии не была сплошной³⁰. К такому же выводу по отношению ко многим западным провинциям, в том числе Галлии, приходит и Е. М. Штаерман³¹. Альбенк на протяжении своего довольно объемистого труда возражает против преувеличения римского влияния на исследуемую им общину рутенов. Рутены, по его утверждению, до конца истории Римской империи сохранили свое лицо и оригинальность. Римская цивилизация охватила прежде всего города и аристократию (стр. 284). Она не могла проникнуть глубоко в сельские округа рутенов. Поэтому рутены долгое время оставались верными своим обычаям, языку и верованиям. Их страна оставалась в основном сельской и мало романизированной (стр. 308). Примерно к такому же выводу пришли Штелин и Берхем в отношении общины гельветов. Община гельветов, как им удалось доказать, не была целиком приписана к основанной на ее территории римской колонии Авентик. Жители собственно цивитас считались перегринами по отношению к колонистам, и те из них, которые жи-

²⁷ Е. М. Штаерман, Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, М. 1957, стр. 170—171.

²⁸ Н. Н. Белова, Эпиграфические данные о рабовладении в римской Галлии, ВДИ, 1954, 3, стр. 137.

²⁹ Н. А. Машкин, Городской строй римской Африки, ВДИ, 1951, 1, стр. 71.

³⁰ А. Альбенк, указ. соч.; Д. Ван Берхем, указ. соч.; Ф. Лот, указ. соч.

³¹ Е. М. Штаерман, указ. соч., стр. 171—176.

ли на территории колонии, в надписях противопоставляются им, как *incolae*³². По-видимому, так дело обстояло и во многих других общинах. Во всяком случае, в надписях довольно часто можно встретить следующие выражения: *municipes et incolae*; *cives et incolae*; *veterani et veteres*³³, т. е. колонисты-ветераны и старые жители. Очевидно, в этой связи находится и тот факт, что надписи очень часто называют граждан по имени *цивитас*, а не по имени главного города или колонии, в то время как общеизвестно, что жители колонии или муниципия обычно указывали имя города.

Некоторым отражением степени романизации и ее неравномерности может служить количественное распределение сохранившихся до нас надписей по отдельным общинам. Разумеется, *arguendum ex silentio* является рискованным и мало убедительным доказательством, но в данном случае, нам кажется, и он может служить известным подтверждением доказываемого положения. Дело в том, что анализ количественного соотношения надписей указывает на резкую неравномерность их распределения по отдельным частям Галлии. Подавляющее большинство их относится к Нарбонской Галлии. В Трех Галлиях большее число эпитафических данных приходится на Лугдунскую провинцию, расположенную в непосредственном соседстве с Нарбонской, затем идет Аквитания и, наконец, Бельгика, для которой надписей сохранилось наименьшее количество. Внутри каждой из этих провинций также наблюдается большая неравномерность. Из общего числа, собранных в *Corpus inscriptionum latinarum*, т. XIII, надписей 1622, принадлежащих на 27 названий отдельных районов Галлии, основное их количество — 1063 — приходится на битуригов-кубов (667) и конвенов (396), остальные 559 приходятся на 25 названий, в том числе: на васатов — 2, битуригов-вивисков — 4, сантонов — 12, кадурков — 9, рутенов — 7, на веллавов — 0 и т. д. Очевидно, при всей вероятности, что далеко не все надписи дошли до нас, такое распределение их все же не является простой случайностью. Обратим внимание на мизерное их количество, например, у рутенов, всего — 7. Но выше уже отмечались результаты исследования Альбенка по поводу слабой романизации этой области Галлии. С другой стороны, не случайно наибольшее количество надписей — 342 — приходится на столицу Аквитании, Бурдигал, и особенно столицу Лугдунской Галлии — Лугдун — 719.

Наконец, с точки зрения выяснения степени романизации и муниципализации Галлии важно отметить и факты, которые свидетельствуют о стойком сохранении племенных традиций. Уже говорилось о сохранении деления территории *цивитас* на *паги*. К этому следует прибавить такие факты, как почитание в тече-

³² Д. Ван Берхем, указ. соч., стр. 146.

³³ *Corpus inscriptionum latinarum*, впрядь — КИЛ), т. XII, 4333, 3178, 1585, 1748, 1864, 4189, XIII, 5042, 5072, 5073, 5091, XII, 3733.

ние долгого времени племенных кельтских божеств — Немавза, Моритагза и др.³⁴ Примечателен и такой факт, как преобладание имени общины, представлявшей собой в кельтскую эпоху племенное объединение, над именем города, если даже этот город являлся столицей общины и влиятельным муниципальным центром. В надписях, как уже отмечалось, сплошь и рядом жители кельтских городов именовались не именем города, а именем общины *civis biturigis cubi* (XIII, 1337), *civis lemovic* (XIII, 576, 692), *civis trever* (XIII, 633, 634, 2669) и т. п. Пожалуй, только для Лугдуна в Трех Галлиях и Виенны — в Нарбонской можно наблюдать обозначение граждан этих колоний именем последних: *civis Lugdunensis* (XIII, 1428), *cives Viennensis* (XII, 366)³⁵.

О том же говорит и то, что нередко сами центры *цивитас* получали наименование от имени последней. Так, у рутенов столица получила имя *Rouger*³⁶. В этой связи важно отметить и наличие собственно родо-племенной организации в Трех Галлиях. Так, по предположению Е. М. Штаерман, в северо-западной части этой провинции, а именно, в Бретани и Нормандии, еще в V веке продолжали существовать отношения, характерные для периода разложения первобытно-общинного строя с сильной родовой организацией и господством родовой знати, сохранялись здесь и *gentes*³⁷.

Все это говорит о том, что не все области Галлии были одинаково муниципализированы и что в отдельных общинах, где не было еще налицо объективной социально-экономической основы для утверждения рабовладельческого строя, там муниципальная организация выглядела довольно искусственным насаждением и охватывала далеко не всю территорию *цивитас*.

Сам процесс муниципализации в Галлии далеко не был мирным. Факты находятся в явном противоречии с утверждением тех ученых, которые считают, что романизация происходила сама собой, без какого-либо насилия со стороны Рима³⁸. По утверждению Гаксота, например, *Рах Романа* была той магической формулой, которая сломила у галлов всякое сопротивление и объединила все сердца, и что стать римским гражданином вовсе не означало подчиниться иностранному владыке, это лишь означало — приобщиться к высшей жизни³⁹. Мягкость и лояльность римской

³⁴ КИЛ, XIII, 2873: *deo Moritasgo porticum...* О живучести галльских божеств Белена и Тевтана см. К. Жульен, указ. соч., IV, стр. 280, 521, Е. М. Штаерман, указ. соч., стр. 184.

³⁵ К. Жульен ссылается на КИЛ, том XII, где почти не встречается имя аллоброгов. Он приводит несколько и других примеров подобного рода (см. т. IV, стр. 324 и прим. № 1).

³⁶ А. Альбенк, указ. соч., стр. 205.

³⁷ Е. М. Штаерман, указ. соч., стр. 176.

³⁸ К. Жульен, указ. соч., IV, 280. Е. Тевено, указ. соч., стр. 13—14.

³⁹ Указ. соч. стр. 69.

политики по отношению к галлам превозносят Гумот и ссылающийся на него Дюваль и др.⁴⁰

Чтобы показать несостоятельность подобных утверждений, достаточно привести хотя бы следующие примеры, которые свидетельствуют о насильственном характере мероприятий римского правительства и предполагают безусловное сопротивление им со стороны местного населения. Уже упоминались выше распоряжения Августа по поводу выселения жителей Бибракты и Герговии из их прежних столиц, являвшихся одновременно удобно расположенными крепостями. Здесь вызывает сомнение то, что процесс переселения протекал мирно и безропотно, без каких бы то ни было проявлений недовольства, а самый факт императорского распоряжения наводит на мысль, что он мог быть продиктован как раз опасением римского правительства оказаться однажды перед лицом опасности хорошо организованного сопротивления со стороны жителей указанных крепостей. Вряд ли не вызвало сопротивления сугузиавов отторжение в 13 г. до н. э. части их земель в пользу сооруженного у слияния Роны и Саоны алтаря Ромы и Августа⁴¹. Наконец, можно сослаться на тот факт, что немедленно после основания колонии Авентик на территории гельветов римское правительство окружило колонию солидным валом. Берхем справедливо видит в этом факте доказательство того, что гельветы были настроены далеко не миролюбиво. Вал, сооруженный вокруг Авентика, служил прежде всего защитой римских колонистов против возможных нападений на них со стороны местного населения (стр. 150). С этой точки зрения весьма интересно и другое заключение того же автора, а именно, в названии Авентика *Colonia Pia Flavia constans emerita foederata* (XIII, 5089), слово *foederata* означает не договор Рима с колонией, что являлось бы невозможным с юридической точки зрения, а договор Веспасиана, заключенный им в силу *lex de imperio Vespasiani* с гельветской общиной в отношении колонистов, устроенных в колонию на ее территории (стр. 152). Следовательно, настроение тех, на земле которых основывались римские колонии, отнюдь не было слишком миролюбивым и с ним приходилось считаться.

Обратимся теперь к рассмотрению самой муниципальной организации галло-римского города и постараемся отметить ее особенности. Трудность вопроса состоит в том, что для галльских городов, колоний и муниципиев не сохранилось специальных муниципальных законов, подобных тем, которые имеются в распоряжении исследователей для испанских общин Малаки и Сальпензи, для городов Италии и Цизальпинской Галлии. Эпиграфические данные — основной наш источник — многочисленны и довольно полно рисующие картину муниципального строя для Нарбонской Галлии, недостаточны и фрагментарны для Трех

⁴⁰ М. Дюваль, указ. соч., стр. 215—216.

⁴¹ Э. Лот, указ. соч., стр. 215—216.

Галлий. Ни одна надпись, относящаяся к городам Трех Галлий, не дает полных наименований всех магистратур. Упоминания отдельных магистратов также весьма редки. Так, например, для Аквитании надписи только дважды упоминают декурионов, трижды — дуумвиров, один раз — эдила, ни одного упоминания нет о народном собрании и квесторах. Примерная картина вырисовывается и для Бельгии. Чаще — в Лугдуне: 8 раз декурионы упоминаются, 6 — дуумвиры, шесть — квесторы, дважды — эдил и свыше двадцати раз надписи повторяют весьма характерную формулу *omnibus honoribus apud suos functus*, или — реже — *omnibus honoribus in civitate functus*⁴², означающую, что данное лицо прошло в своем городе последовательно все магистратуры, начиная от квестора и кончая дуумвиром. Подобные формулы встречаются и в Аквитании, и в Бельгии, но значительно реже. Разумеется, данная статистика ни в коей мере не может претендовать на адекватное отражение действительного состояния муниципальных учреждений: многие надписи не сохранились, некоторые еще не обнаружены и продолжают обнаруживаться, наконец, не все магистраты оставили след в надписях. Однако, если сравнить приведенные выше данные о состоянии надписей для Нарбонской Галлии, не останется сомнения в том, что муниципализация последней была значительно глубже.

И это понятно, здесь с самого начала было основано значительно больше римских колоний. Помимо того, что сами колонии представляли собой муниципальные организмы, они оказывали активное воздействие на местные *цивитатес*, которые копировали постепенно их устройство и приобретали таким образом, если даже они и не получали его официально от римского правительства, квазимуниципальный строй. Именно этим в значительной степени и объясняется обильное количество надписей в этой части Галлии. Не случайно поэтому и в Трех Галлиях наибольшее число надписей приходится на Лугдунскую Галлию, где была основана первая римская колония еще в 43 г. до н. э. и где было значительно больше римское влияние в лице ветеранов, поселившихся здесь. Показательно в этом отношении и сопоставление тех надписей, которые упоминают ветеранов или военных трибунов в Трех Галлиях. Из 74 таких надписей 66 приходятся на Лугдунскую провинцию, 8 — на Бельгию и совсем нет упоминаний о римских ветеранах и трибунах в Аквитании. В целом общее состояние эпиграфических данных таково, что вполне отчетливая картина муниципального строя вырисовывается только для некоторых городов Нарбонской провинции и Лугдуна. Что касается городов Трех Галлий, то их строй можно представить себе только суммарно, используя для этого надписи не одного какого-либо города или *цивитас*, а значительного их количества или даже всех. Оправды-

⁴² КИЛ. XIII, 1686—1688, 1690, 1691, 1694, 1695, 1697, 1698, 1703, 1707, 1709, 1711, 1798, 2026, 2585, 2669, 2873, 2940; 2950, 1633.

вающим моментом для такой формы исследования муниципально-го строя городов Трех Галлий является неоднократное повторение в надписях для этой провинции вышеупоминавшейся формулы *omnibus honoribus apud suos functus*, причем иногда в таких цивитатес, для которых отсутствуют надписи с упоминанием каких-либо магистратур⁴³. Следовательно, эта формула предполагает и в данных случаях наличие последних.

Эпиграфические данные рисуют городской строй в Галлии в главных своих чертах вполне совпадающим с муниципальным строем италийских, испанских и других городов, как он вырисовывается из сохранившихся до наших дней отдельных муниципальных законов, о которых было упоминание выше. И в Галлии высшим органом местной власти был совет декурионов, члены которого в надписях называются *decuriones*, *conscriptique*, *ordo*⁴⁴. Совет ведал вопросами, касающимися городского имущества, доходов, налогов, раскладки податей, покупки и продажи участков, общественных сооружений, возведения статуй, вознаграждения отслуживших солдат и т. п.⁴⁵ Решения принимались путем или голосования или принесения клятвы⁴⁶. Комплектовался сенат из лиц, исполнявших муниципальные магистратуры. Это видно из надписей, подобных следующей: *Sex Vencio Junventiano flamini divi Augusti item flamini et curatori muneres gladiatorii Velliani adlecto in curiam* (XII, 1585). Названное лицо, таким образом, избирается в курию уже после того, как оно стало фламино. Но фламино можно было стать уже после исполнения всех магистратур. О чести быть декурионом говорят факты присуждения отдельным лицам почетного звания и знаков достоинства декуриона⁴⁷, предоставление декурионам лучших мест в театре⁴⁸, а также следующие выражения: *pater trium decurionum* (XII, 522, 5864), *decurionis filius* (XII, 178) и др.

Надписи позволяют с легкостью установить наличие и всех магистратур, соответствовавших муниципальной конституции: дуумвиры (в надписях они различаются, как *iure dicundo*, *iure aegari*)⁴⁹, эдилы⁵⁰, квесторы⁵¹, квинквенналы⁵², префекты⁵³, кват-

43 КИЛ, XIII, 1114—у сантонов, 1463 — арвернов, 1541 — кадурнов, 1571 — кабалов.

44 КИЛ, XIII, 2899, 2603, 1928, 2448, 2877 и др.

45 КИЛ, XII, 4399, 2610, 3233, 5413, 1855, 3179 и др.

46 КИЛ, XII, 5413, 6038.

47 КИЛ, XII, 3219, 3058, 3200, 3288, 3296, 4068 и др.

48 КИЛ, XII, 3316 и др.

49 КИЛ, XII, 4389, 4372, 4432, 938, 3166, 2794 и много других, XIII, 2949, 684, 3693, 3166 и некоторые другие.

50 КИЛ, XII, 4389, 4190 и др. XIII, 3599, 1900, 916, 969.

51 КИЛ, XII, 1783 и др. XIII, 3573, 1048, 1050 и др.

52 КИЛ, XIII, 1752, 1954.

53 КИЛ, XII, 4230, 3274, XIII, 5010.

туорвиры⁵⁴, обычный штат служащих при дуумвирах: ликторы, вестовые, глашатаи, секретари и т. п.⁵⁵ Частые случаи богатых подарков городу со стороны граждан, избранных магистратами города, свидетельствуют о том, что и в Галлии в это время муниципальные магистратуры являлись делом чести и их домогались местные честолюбцы⁵⁶.

В каждой цивитас можно обнаружить по надписям жрецов всех римских наименований: понтификов, авгуров, фламиннов и т. п.⁵⁷ Новым установлением для Римской Галлии было утверждение культа Рома и Августа и жреческой коллегии севиравгусталов, обслуживавших этот культ. Севирав находим буквально в каждой общине, независимо от ее юридического и политического статуса. Главный жрец культа Ромы и Августа, фламин, по истечении полномочий становился членом Провинциального совета и, таким образом, играл большую политическую роль в общине. Часто фламины выступали одновременно в роли патронов города или всей цивитас. В качестве таковых они оказывали различные благодеяния городу или сельчанам. Так например, аквитанский фламин Вер посвятил алтарь гению пага (XIII, 412), другой фламин, из общины сегузиавов (XIII, 1642), на свой счет реставрировал деревянный театр, сделал его каменным. Нарбонский фламин внес в казну одной из ремесленных корпораций в этом городе 16 тысяч сестерциев (XII, 4393). Роль и характер фламината в Галлии не представляли собой чего-либо исключительного. Те же черты характеризуют фламинат и других провинций, в частности, Африки⁵⁸. Но это лишь подчеркивает значение его в процессе романизации Галлии и характеризует римскую политику по укреплению социальной базы своего владычества в провинциях. Устанавливая культ Ромы и Августа в провинциях и привлекая к его обслуживанию цвет муниципальной аристократии, Рим обеспечивал себе моральную и материальную поддержку провинции. Если представители светской власти в лице магистратов были призваны подавлять всякое проявление опасной инициативы в самом зародыше, то фламины и другие жрецы использовали мощное моральное воздействие на массы, используя культ императора для воспитания в них чувства покорности, признательности и благоговения перед высшим сувереном и его представителями на местах. Именно этим объясняется в значительной степени то обстоятельство, что в провинциях, в том числе Галлии как

⁵⁴ КИЛ, XII, 3274, 3212, 3184.

⁵⁵ КИЛ, XII, 447, 448, 524, 4505, 2212, 3062, 3309, 1920, XIII, 3572.

⁵⁶ КИЛ, XII, 3203, 697, 410, XIII, 1670, 1921, 966, 1642, 596—600 и др.

⁵⁷ КИЛ, XII, 370, 392, 3274 и т. д.

⁵⁸ См. Н. А. Машкин, Городской строй римской Африки, стр. 74—75.

Нарбонской, так и в Трех Галлиях, встречаем большое количество надписей, посвященных гению императоров.

Эпиграфические данные позволяют обнаружить следы народных собраний в галльских городах: *candidatus Arelatensium* (XII, 697); *ordo splendissim. ob editionem muneris ex postulatione populi* (XII, 3185, 3236 — в Немавзе; XIII, 1921 — в Лионе); *iudicia plebis decurionibus conjunxit* (XII, 4333 — в Нарбоне); *suffragiis pop. factus flamen Romae et divi Aug.* (XII, 1121); *ex concessu pop.* (XII, 1585) и др. Приведенные фрагменты надписей относятся исключительно к Нарбонской Галлии и Лугдунской провинции. Что касается Аквитании и Бельгики, то здесь никаких следов народных собраний не обнаруживается. Если учесть значение слов *postulatio*, т. е. прошение, жалоба; *iudicium* т. е. — суждение, мнение; *suffragio* — согласие, одобрение, *concessus* — дозволение, согласие, то станет очевидной малозначительность этого учреждения. Народное собрание высказывало мнение, но не решало вопросов. Сами вопросы, по поводу которых оно высказывало свое суждение, были весьма второстепенные. Как свидетельствует содержание надписей, это были, главным образом, вопросы выборов магистратов и жрецов. Но и это право выбора не всегда осуществлялось. До каких пор продолжалось существование народных собраний в Галлии? На этот вопрос трудно ответить при данном состоянии источников. Надписи, в которых обнаруживаем следы их существования, не поддаются точной датировке. Можно только предполагать, что здесь они сохранились дольше, по сравнению с Римом и Италией. Но это не являлось особенностью только Галлии. Та же картина наблюдалась, например, и в римской Африке⁵⁹.

Таким образом, можно сделать заключение, что там, где утвердился муниципальный строй в Галлии, он обнаруживал все типичные его черты. Однако остановиться на таком заключении будет неправильно. Изучение надписей позволяет заметить и некоторые особенности городского строя в этой провинции.

И это относится не только к *civitates iuris peregrini*, для которых сохранение элементов прежней организации вполне естественно, но и к галльским муниципиям с римским или латинским правом.

Прежде всего следует отметить наличие кельтской магистратуры, вергобрет. Вергобретов находят еще при Августе и Тиберии у сантонов, лексовьенов⁶⁰. Правда, этот факт не является показателем того, что в развитии городского строя Галлии этого времени следует усматривать нечто принципиально отличное от того строя, который насаждался римским правительством. В кельтской Галлии не успели сложиться к моменту римского завоевания

⁵⁹ См. Н. А. Машкин, *Городской строй римской Африки*, стр. 72.

⁶⁰ КИЛ, XII, 366, XIII, 1048. А. Гренье предполагает, что в независимой Галлии были и другие магистраты, подчиненные вергобрету, но о них нам ничего неизвестно. (*Manuel gal-rom. archéol.*, VI, 2, стр. 179).

сколько-нибудь прочные государственные институты, и потому естественная эволюция органов власти кельтских племен как бы прерывалась под влиянием сильного внешнего влияния в лице римского завоевания и римского муниципального строя. В исторической литературе предлагается обычно следующая, убедительная, на наш взгляд, схема эволюции городских магистратур под влиянием Рима, его государственных учреждений и политической терминологии: цари в Галлии исчезли, уступив место сенату или совету декурионов. Вергобреты на некоторое время сохранились. Сначала их было по одному в общинах, затем по два. Следующим шагом в их эволюции была замена кельтского титула вергобрет латинским термином *praetor*, т.е. термином, которым некогда обозначались римские консулы. Эта замена первоначально произошла в Нарбонской Галлии, под влиянием римских колонистов, обосновавшихся в Нарбоне, Авиньоне и других городах. Постепенно исчез и титул *praetor*, поскольку он мало соответствовал новому, более ограниченному, содержанию власти его носителя. Он был заменен титулом *duumviri* или *quattuorviri*. Это можно наблюдать по встречающимся в надписях следующим сочетаниям слов: *praetores duoviri* или *praetores quattuorviri*. Еще позднее те же магистраты называются в надписях просто *duoviri*, или *quattuorviri*⁶¹. Последним шагом в эволюции этих магистратур те же исследователи считают замену кваттуорвиров дуумвирами. Доказательством справедливости такого вывода служит ссылка на испанские общины, Малаку и Сальпензу. До того, как этим общинам было даровано латинское право, высшими магистратами тут были кваттуорвиры, после получения латинского права кваттуорвиры в этих общинах уступили место дуумвирам⁶². Таким образом, вышеотмеченный факт сохранения в эпоху Августа и Тиберия вергобретов в некоторых галльских *цивитатес* свидетельствует всего лишь о том, что муниципализация городского строя представляла собой процесс довольно длительный, что он охватил не все общины сразу и в одинаковой степени и что он протекал не без некоторого сопротивления местных традиций. Тот же факт, что вергобрет в конце концов уподобился римской магистратуре, объясняется тем, что его классовая природа была с самого начала сходна с сущностью римских магистратур.

Очевидно, особенностью городской конституции в Галлии являлась довольно часто встречающаяся должность триумвиров, на обязанности которых лежало управление общественными землями: *triumviri locorum publicorum persequendorum*⁶³. Во всяком случае, она встречается в городах тех *цивитатес*, где как раз наиболее сильны были кельтские традиции: Виенне, Немавзе и др.

⁶¹ К. Жюльен, указ. соч., IV, 337—338. Г. Блок, указ. соч., стр. 111.

⁶² КИЛ, II, 1423, 1168.

⁶³ КИЛ, XII, 1783, 1869, 1870, 1897, 2249, 2237, 2350, 2606, 2608, 2618.

Эта должность, по мнению К. Жульена, представляла род местной цензуры и по своему значению и полномочиям была даже выше должности дуумвиров⁶⁴.

Об особенности городского строя в Галлии свидетельствует также и другая встречающаяся в надписях должность — *praefectus vigilum et armorum*⁶⁵, которая, как указывает само ее название, обеспечивала заведывание городским арсеналом и надзор за общественным порядком. Судя по надписям, она была ниже должности дуумвиров, но выше должности квестора и эдила. Согласно исследованиям русского ученого Ю. Кулаковского и французского историка К. Жульена, эта магистратура не встречается ни в какой другой части Римской империи⁶⁶. О местном ее происхождении и связи с кельтскими традициями свидетельствует и тот факт, отмеченный К. Жульеном, что эта должность встречается не только в римских колониях, куда, как предполагают некоторые исследователи, она была занесена восточными колонистами, но и в общинах с местным правом, у вокоитиев, например⁶⁷.

Несколько иной, вероятно, по своему происхождению и характеру была должность префекта, стоявшего во главе вооруженного отряда: *praefectus arcendis latrociniiis* (XII, 1368). Тевено, например, считает ее только временной и ограниченной определенными задачами (стр. 21).

Перечисленные особенности городской конституции в Галлии вовсе не свидетельствуют о принципиальном отличии указанных магистратур от римских муниципальных институтов. В них, во всяком случае, больше сходства, чем различия. Это видно из самого содержания перечисленных должностей. Но это сходство было обусловлено не принадлежностью кельтов и римлян к одной и той же семье народов, а классовой природой этих учреждений. Об этом говорит сходство обязанностей *triumviri locorum publicorum persequendorum* и цензора, обязанностей *praefectus vigilum et armorum* и эдила. Возможно, они возникли в Нарбонской Галлии еще в момент формирования здесь классового общества и государства и были средством в руках кельтской аристократии для обеспечения своего господствующего положения в общине. Не случайно поэтому эти институты далеко пережили римское завоевание. Аристократическое римское правительство было заинтересовано в укреплении власти местной знати для утверждения собственных позиций на местах и для этого готово было использовать и собственное и чужое оружие: сохранение местных учреждений, способствовавших укреплению власти местной аристократии, было дополнением к римской муниципальной полити-

⁶⁴ К. Жульен, указ. соч., IV, 343.

⁶⁵ КИЛ, XII, 5864, 3002, 3166, 3210, 3223, 3232, 3259, 3274, 3296, 3303.

⁶⁶ Ю. Кулаковский, указ. соч., стр. 181.

⁶⁷ Там же, стр. 341—342.

ке⁶⁸. Но отсюда ясно, что римское завоевание и распространение муниципального строя способствовали оформлению государственных основ в Галлии, что там, где разложение общинно-родового строя зашло далеко, муниципальный строй находил готовую почву для своего внедрения.

Особенностью городского строя в Галлии, очевидно, можно считать более слабую роль эдилата в городах с более прочными кельтскими традициями. Так, К. Жульен заметил, что в то время, как в римских колониях Нарбоне, Эксе, они выступали часто в роли судей, а именно префектами вместо дуумвиров, в Немавзе, например, где эдилы называются обычно *aediles Coloniae*, они имели власть, ограниченную чертой города, и по своим полномочиям близкую к власти квестора⁶⁹.

В городах Трех Галлий упоминания эдилов в надписях вообще составляют исключения. Они упоминаются здесь только трижды, в *цивитатес тонгров* в Бельгике (XIII, 3599), *нигиоброгов* в Аквитании, *сенонов* — в Лугдунской Галлии (XIII, 2949); упоминание эдила в римской колонии Лугдуне (XIII, 1900) мы здесь опускаем. Иногда это отсутствие эдилов в надписях буквально бросается в глаза. Например: «... первому фламину августу, куратору римских граждан, квестору, вергобрету...» (XIII, 1048). Должность фламина предполагала предварительное исполнение всех магистратур. Среди же магистратур, которые прошел данный фламин, упоминаются в надписи только должности квестора и вергобрета, должность эдила он, таким образом, не проходил. Аналогична и следующая надпись: «... Фламин Вер, дуумвир и квестор и пага начальник...» (XIII, 412). Чаще упоминаются эдилы в Нарбонской Галлии. Из всего сказанного можно сделать вывод, что общей причиной редкого отражения эдилата в надписях для Трех Галлий является более слабая муниципализация городского строя в этих провинциях.

О более слабой муниципализации городского строя в Трех Галлиях свидетельствует и тот факт, что по отношению к *цивитатес iuris peregrinis* (а таких общин в течение I—II вв. сохранялось здесь очень много) источники упоминают какие-то местные законы *leges patriae suae* или *leges cuiusque civitatis*⁷⁰. Под этими местными законами К. Жульен, правда, понимает городские уставы отдельных общин, над которыми должен был стоять общеимперский муниципальный закон⁷¹. Но более вероятно нам представляется предположение, что эти *leges patriae suae* являлись местными обычаями, восходившими к эпохе независимости. Слова, характеризующие эти *leges* в тех же источ-

⁶⁸ По предположению Тевено, эти должности являлись результатом муниципализации, и своеобразным явлением были не сами должности, а только их названия (указ. соч., стр. 120—121).

⁶⁹ Указ. соч., IV, стр. 341.

⁷⁰ Dig. L. 4, 18, 25; 4, 1, 2; 2, 11;

⁷¹ Указ. соч., IV, 329,

никах, — *longa consuetudo* — подтверждают это предположение. В этой связи следует отметить следующие выражения, встречающиеся в наших источниках для обозначения совета декурионов в некоторых *цивитатес* Трех Галлий: *senatores* (Тас, II, V, 19), *buleuta* (XIII, 4416). Все это подтверждает сохранение пережитков кельтской организации и в римское время. Вопрос о том, существовал ли общеимперский закон, который возвышался бы над всеми местными законами, является в историографии весьма спорным.

В каком взаимоотношении находился муниципальный строй города с остальной территорией *цивитас*, т. е. с сельскими местностями или *пагами*, распространялась ли на них власть муниципальных органов города и какова была организация самих *пагов*? Этот вопрос в данном случае обусловлен двумя обстоятельствами: отмеченной выше особенностью галльской *цивитас*, территория которой отличалась обширностью размеров и чаще всего имела несколько городов, один из которых являлся главным центром. Здесь были возможны поэтому различные формы сосуществования центра с другими частями *цивитас*. Второе — это то, что в исторической литературе этот вопрос решается по-разному⁷². Наиболее правильным было бы, разумеется, изучение каждой области в отдельности. Но это не представляется возможным пока в силу состояния источников: надписи не всегда отражают связь города с селом, их значительно меньше для сельских местностей, а распределение их весьма неравномерно.

Данные надписей позволяют, однако, заметить, что эти взаимоотношения не были однородными. Они отличались и по степени и по характеру связей города с *пагами*. Так, например, упоминавшаяся уже община аллоброгов находилась под влиянием главного своего города Виенны и власть виеннских муниципальных магистратов распространялась на всю ее территорию: граждане этой общины называют себя не аллоброгами, а виеннцами (XII, 366), в то время, как в других случаях граждане называют себя обычно по имени своих общин, а не городов. О тех же взаимоотношениях города и села свидетельствует, очевидно, и следующая надпись: *flamen item duumvir, quaestor, pagique magister Verus ...* (XIII, 412). Перед нами *фламин Вер*, до того, как стал жрецом, он прошел все муниципальные магистратуры в общине; еще раньше он был начальником или главным должностным лицом *пага*. Таким образом, муниципальный магистрат выступает здесь как высший по отношению к должностным лицам сельского округа. Следовательно, последний, хотя и имел свои особые власти и устройство, но входил в сферу влияния муниципальной организации.

Но далеко не всегда сельские территории были приписаны к городу и подчинены муниципальным властям, даже в Нарбонской

⁷² См. Е. М. Штаерман, указ. соч., стр. 172—174; Тот же автор, О крестьянстве в Западных провинциях Римской империи. ВДИ, 1952, 2, стр. 102.

Галлии. Можно сослаться здесь на известную надпись из Арелаты, которая посвящена вольноотпущеннику Зосиму, жителю пага Лукреция, расположенного в местечке Гаргарии на территории Арелаты⁷³. Обращает на себя внимание тот факт, что сельчане благодарят Зосима за то, что он заступился за них и освободил от несправедливостей, которые они до сих пор терпели, по предположению Е. М. Штаерман, от муниципальных магистратов, поскольку Зосим ходатайствовал за сельчан перед самим императором и наместниками провинции. Е. Корнеман и ссылающаяся на него Е. М. Штаерман, приходят к заключению, что перед нами случай, когда организация пага была не только не зависима от городов, но в известном смысле и противостояла ей⁷⁴.

В Трех Галлиях связь города с сельскими территориями была много слабее. Городская администрация оставалась здесь долгое время отличной от сельской, а сельское управление — независимым от городского. К такому выводу, в частности, приходит Лот⁷⁵. Такое же заключение можно вывести из выше приведенных результатов исследований Альбенка и Берхема в отношении общин рутенов и гельветов. Исследование Альбенка, правда, содержит противоречие. Доказывая на протяжении всего своего сочинения положение о том, что романизация у рутенов не проникла в глубь сельских местностей, и что рутенские крестьяне продолжали жить и в римское время своим собственным строем (стр. 308), Альбенк одновременно утверждает (на стр. 35), что вся территория этого народца была организована согласно принципам греко-римского муниципального режима, и что главный город рутенов Сегодунум управлял сельскими местностями. Последнее утверждение звучит при этом значительно менее убедительно, чем первое, так как автор обходится в данном случае без ссылок на источники, более того, он справедливо жалуется почти на полное отсутствие муниципальных надписей для воссоздания городского строя рутенов. Более правильным в этой связи, нам кажется, будет отметить той или иной степени влияние муниципального центра на сельские территории *цивитас*.

Можно привести следующие надписи, свидетельствующие о том, что муниципальный центр, город, действительно был так или иначе связан с сельской территорией даже тогда, когда она не была приписана к нему: «Гаю Флавию Камиллу, дуумвиру колонии гельветов, фламину Августа, которого совет кооптировал патроном общины и присудил за заслуги перед республикой сколу и статую,

⁷³ НИЛ, XII, 594. Ср.: Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской империи. Подбор, перевод и комментарий Е. М. Штаерман, под ред. Ф. А. Петровского, ВДИ, 1956. 4, № 1399.

⁷⁴ Ссылка на Е. Корнемана дается по соч. Е. М. Штаерман «Кризис рабовладельческого строя...» стр. 175, прим. 59.

⁷⁵ Указ. соч., стр. 203.

сельчане Эбуродуна другу и патрону» (XIII, 5063). Здесь Гай Флавий, высшее должностное лицо в колонии, выступает одновременно патроном всей общины, в том числе и сельских округов ее: именно поэтому сельчане Эбуродуна называют его своим патроном. Но выше отмечалось, что территория гельветов не была приписана к колонии. Подобный же факт отражен, по-видимому, и в следующей надписи: «Гаю Аллию, сыну Гая из Волтиниевой трибы, Целеру, кваттуорвиру, кламину, авгуру колонии Апты, из пяти декурий, жители Верденского пага патрону». (XII, 1114). О влиянии города на паги свидетельствуют и те надписи, в которых отражены основные элементы квазикоммунальной организации пагов. Так, надписи называют народное собрание пага (XIII, 2609), эдплов (XII, 2611, XIII, 2949), кураторов (XIII, 5026), патронов (XII, 1114, 1783; XIII, 1684, 5063) и т. д. Подобное сильное влияние муниципального центра на сельские территории наблюдалось главным образом в Нарбонской и Лугданской Галлиях.

★ ★ ★

Таким образом, из всего вышеизложенного очевидно, что муниципализация городского строя в I—II вв. в Галлии была далеко незавершенной. Наряду с цивитатес с римским и латинским правом имелись общины, свободные или федеративные, управлявшиеся на основе местных обычаев и законов. И только под влиянием римских колоний и муниципиев они приобретали квазикоммунальное устройство. Муниципальная организация была чаще ограничена собственно городом и непосредственно к нему прилегающими землями, в то время как подавляющая часть остальной территории цивитас продолжала жить собственным строем.

Муниципальный строй, как организация сугубо рабовладельческая, неравномерностью своего распространения отражал неравномерность развития рабовладельческих отношений в отдельных частях Галлии. Не случайно, что наибольшее распространение он получил в Нарбонской Галлии и наименьшее — в Бельгике и некоторых районах Аквитании. Он был орудием господства в руках галло-римских рабовладельцев, а потому, где рабовладельческие отношения не зашли в своем развитии далеко, там он не мог иметь большого успеха и выглядел довольно искусственным насаждением, ограничиваясь узкими рамками городской территории и охватывая прежде всего аристократическую верхушку.

Живучесть некоторых кельтских традиций в галло-римской цивитас, особенно в Трех Галлиях и главным образом в ее сельских районах, объясняется отнюдь не лояльностью римской политики, а тем, что римская политика там, где объективный процесс развития кельтских племен еще не подготовил почвы для успешной романизации, была бессильной. Именно поэтому и не могла быть сплошной муниципализация, как бы того ни желали сами римляне. Муниципализация могла иметь успех только там, где процесс разложения прежних отношений зашел наиболее да-

леко и где формирующаяся рабовладельческая знать была особенно сильна и охотно усваивала испытанные римлянами средства угнетения. Именно поэтому города в галло-римскую эпоху приобретают новое качество и становятся средоточием политической жизни, центрами романизации и опоры римского владычества в провинции. По этой же причине наиболее отсталые районы Галлии до конца оставались слабо романизованными.
